

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-267-275

А. А. Санжеников

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sanzhenakov@gmail.com

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ КАК ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ *

Рассмотрена проблема комплементарности этики и метафизики Аристотеля. Ставится вопрос, возможна ли этика Аристотеля как первая философия? Сначала рассматривается понятие «первой философии». Выявлены те причины и основания, согласно которым «первая философия» является *первой*. Затем понятие этики как первой философии представлено в том виде, как оно было сформулировано в философии Э. Левинаса. Согласно этому, этика представляет собой линзу, через которую должны рассматриваться все прочие философские вопросы, и в силу этого она является *первой*. Выделены три критерия, которым этика Аристотеля должна соответствовать, чтобы быть первой философией. Этика должна (1) заниматься первыми началами и причинами, (2) давать наиболее универсальное знание и (3) цениться в силу этого выше других дисциплин. Показано, что этика ни одному из этих критериев в полной мере не соответствует. В то же время сделан вывод, что этика может претендовать на звание первой философии, если под этикой мы будем понимать лишь ту часть, которая касается дианоэтических добродетелей.

Ключевые слова: этика, первая философия, метафизика, Аристотель, Левинас.

Настоящая статья – продолжение исследования проблемы комплементарности этики и метафизики Аристотеля, которое было начато в прошлом году и результаты отражены в статье [Санжеников, 2018]. Если на первом этапе нашего исследовательского проекта нас интересовала возможность выявления метафизических оснований этики Аристотеля, то на этот раз мы намерены поставить противоположный вопрос: возможна ли этика как первая философия? Сама постановка вопроса в тех терминах, в которых он сформулирован, не является случайной. Дело в том, что в таком неоднозначном виде

* Исследование выполнено в рамках программы Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МК–589.2017.6).

он дает больше свободы, поскольку имплицитно включает в себя две линии понимания первой философии. С одной стороны, первую философию можно понимать буквально как наиболее важную часть теоретического построения (как это делал Левинас), с другой стороны, ее можно понимать как учение о сущем, поскольку оно сущее (т. е. в первоначальном аристотелевском смысле). Благодаря этой неоднозначности понятия «первая философия», мы сможем рассмотреть предмет в более широком контексте.

Итак, по сути, перед нами два вопроса. Во-первых, может ли этика заменить собой метафизику (при этом не превращаясь ни по форме, ни по содержанию в последнюю, но лишь занимая первенствующее место)? И второй вопрос: может ли этика содержательно хотя бы отчасти преобразоваться в метафизику, взяв на себя ее функции?

Начнем с первого вопроса. Его истоки, как уже было сказано, обнаруживаются в работе Э. Левинаса «Этика как первая философия» [Lévinas, 1998], в которой он предлагает пересмотреть традиционные приоритеты в философии, утвердившие со времен Аристотеля метафизику на первое место. Напомним те основания, согласно которым метафизика, по мнению Аристотеля, является первой философией. В самом начале «Метафизики» (а затем в шестой книге) Аристотель выстраивает иерархию человеческих знаний от более общего знания к менее общему. Наиболее общее знание нам дает наука о первых началах и причинах¹, и поискам именно этой науки Аристотель посвятил содержание своей «Метафизики». На этот, очевидно, эпистемический уровень рассуждения накладывается второй – аксиологический. Помимо того, что предметом рассмотрения является некая наука, позволяющая нам достигнуть наиболее универсального знания, она также имеет своим предметом то, что наиболее достойно познания. «А наиболее достойны познания первоначала и причины (τὰ πρῶτα καὶ τὰ αἴτια), ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено» (Met. 982b2–3) [Аристотель, 1983. С. 68]. Таким образом, благодаря высокому эвристическому потенциалу первоначала и причины занимают достойное положение. Здесь, между прочим, можно увидеть некоторое подобие принципа «экономии мышления», согласно которому познание должно быть как можно более ясным и полным, чтобы предотвратить необходимость повторного обращения к познаваемому объекту. На языке Аристотеля этот принцип будет звучать так: первоначала и причи-

¹ «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем в каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая причина» (Met. 983a24–26) [Аристотель, 1976. С. 70].

ны дают нам более полное и ясное знание и по этой причине должны быть познаны прежде всего.

Эта аристотелевская идея первенства познания начал была унаследована и получила наибольшее развитие в философии Декарта. В своих «Размышлениях о первой философии» Декарт следует логике Аристотеля, поскольку, осознав ложность собственных мнений, навязанных ему еще с раннего детства, он предпринимает поиски основы своего знания, нового первоначала. Показательно, что соотношение рассуждений Декарта в рамках теоретических наук влияет на его рассуждения в рамках практических наук. В частности, в третьей главе сочинения «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» Декарт формулирует некоторые правила морали на то время, пока его разум не обрел надежной основы. Поскольку критический период изысканий не отменяет течения жизни, на время поиска надежного базиса необходимо выработать самые общие правила поведения, «чтобы не быть не решительным в действиях» [1989. С. 263]. Хотя в целом идеи Декарта берут свои истоки в первой философии Аристотеля, нет сомнения, что мы имеем дело с уже искаженной, гипертрофированной позицией последнего. В самом деле, вряд ли Аристотель согласился бы, что влияние первой философии и поисков первоначал столь сильно, что заставляет нас колебаться в повседневной жизни. Возможно, это возросшее влияние первой философии и экспансия ею территории практической философии и стали одной из причин возникновения контрдвижения, пионером которого был Ницше, а продолжателем и наследником – Левинас. Суть этого, революционного по своему содержанию, движения заключается в стремлении расставить новые акценты и приоритеты в философии, выдвинув на первое место человека. Если раньше в античной философской традиции человек рассматривался как сущее ординарное, которое возвышается над животными, но покорно склоняет голову перед величием упорядоченного космоса, то в новой традиции все онтологическое разнообразие мира «перетекает» в человека. Как следствие, поле первой философии также смещается.

Утверждение «этика есть первая философия», по Левинасу, тождественно утверждению «этика есть оптика» [2000. С. 68]. Иначе говоря, этика представляет собой линзу, через которую должны рассматриваться все прочие философские вопросы. Как полагает Левинас, вплоть до недавних пор представители западной философии не осознавали в полной мере сущности морального обязательства перед другим человеком в силу того, что они пытались обосновать этические отношения через онтологию, через поиски ответа на вопросы о фун-

даментальных структурах реальности. Провокационный лозунг Левинаса – знанием о бытии является не онтология, но этика – может пониматься по-разному. Чаще всего здесь видят отход от Хайдеггера, который был обусловлен не только теоретическими разногласиями, но и политическими ². Некоторые исследователи полагают, что интенции Левинаса могут быть полностью раскрыты только если поместить его этику в феноменологический контекст [Crowell, 2015]. Мы же хотели совсем иначе посмотреть на предложенную Левинасом формулировку. Нам представляется небезынтересным ответить на вопрос о смысле и значении этики как первой философии в аристотелевских терминах.

На первый взгляд данный подход является заведомо несостоятельным, ведь первая философия и этика Аристотеля не могут смешиваться, поскольку имеют разный предмет (предметом первой философии является сущее, поскольку оно сущее ³, в то время как предметом второй – наивысшее человеческое благо, осуществимое в поступке). Однако далеко не все разделяют это мнение ⁴. Так, Клаудиа Бараччи посвятила монографию рассмотрению этики Аристотеля как первой философии [Baracchi, 2008]. С ее точки зрения, «теоретическая мудрость действительно выходит за пределы человеческих проблем, но не в том смысле, что человеческие проблемы остаются позади, не говоря уже о том, что область чувствительности, феноменальности и практики преодолена» [Ibid. P. 22]. Иначе говоря, хотя Аристотель утверждает, что человеческое благо есть «деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько – то сообразно наилучшей и наиболее полной» (EN 1098a16–18) [Аристотель, 1983. С. 64], это не значит, что заботы более высшей добродетели (мудрости) отменяют обязательства добродетели менее высшей (рассудительности). Это сугубо теоретическое положение основывается также на определенной методологической установке по отношению к корпусу текстов античного философа. Наш автор полагает, что «этические» и «метафизические» сочинения Аристотеля не следует рассматривать как самостоятельные и независимые части корпуса, но как динамически связанное и оформленное целое [Baracchi, 2008. P. 13].

² См.: [The Cambridge..., 2002. P. 8].

³ «Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она первее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково все присущее ему как сущему» (Met. 1026a28–32) [Аристотель, 1976].

⁴ Из отечественных исследователей отметим статью О. П. Зубец [2018].

С нашей точки зрения, чтобы быть первой философией, этика должна (1) заниматься первыми началами и причинами, (2) давать наиболее универсальное знание и (3) цениться в силу этого выше других дисциплин. Давайте посмотрим, способна ли этика Аристотеля выполнить все эти три условия. Как уже было сказано, предметом этики является высшее человеческое благо, осуществимое в поступке. Однако она касается не только поступков, но и их начал, причем эта топка является довольно важной в «Никомаховой этике». Еще в первой главе Аристотель заявляет, что его курс адресован опытному в житейских делах человеку, поскольку для обсуждения моральных вопросов нужно быть хорошо воспитанным. Такой человек «или имеет начала (ἀρχάς), или легко их приобретает». Под началами здесь подразумевается знание блага в каждом отдельном случае или же умение видеть достойные цели. Далее, определяя счастье через начало, Аристотель разъясняет, что счастье есть «начало в том смысле, что все [мы] ради него делаем все остальное...» (EN 1102a2–3) [Аристотель, 1983. С. 74]. В третьей книге «Никомаховой этики» ἀρχή рассматривается как источник поступка, который может быть в деятеле или же вовне. В шестой книге начала поступков понимаются как то, *ради чего* они совершаются, и то, *из-за чего* они совершаются. «Дело в том, что принципы поступков (αἱ ἀρχαὶ τῶν πρακτῶν) – это то, ради чего они совершаются, но для того, кто из-за удовольствия или страдания развращен, принцип немедленно теряет очевидность, как и то, что всякий выбор и поступок надо делать ради этого принципа и из-за него. Действительно, порочность уничтожает [именно] принцип» (EN 1140b16–20) [Там же. С. 177]. Итак, казалось бы, первому критерию – заниматься началами и причинами – этика соответствует. Но дело в том, что первая философия должна заниматься именно *первыми* причинами и началами, а не отдельными началами и причинами, которыми, по сути, занимается каждая наука, будь то врачевание или математика ⁵.

Обратимся ко второму и третьему критериям. Что касается универсальности, то этика Аристотеля определенным уровнем всеобщности обладает, поскольку предлагает концепцию счастья человека в целом. Поскольку счастье определяется в «Никомаховой этике» как «некая деятельность души в полноте добродетели», постольку оно не имеет

⁵ Относительно разнообразия причин и начал Аристотель пишет: «Одни из начал постигаются через наведение, другие – чувством, третьи – благодаря некоему приучению, а другие еще как-то иначе. Нужно стараться “преследовать” каждое начало по тому пути, который отвечает его природе...» (EN 1098b3–4) [Аристотель, 1983. С. 65].

никаких ограничений. Однако эта универсальность все же имеет серьезные ограничения. Дело в том, что эта «некая деятельность души», по мнению Аристотеля, согласована с суждением или не без участия такового, и в конечном счете она тождественна «созерцательной деятельности». Такое понимание счастья, как справедливо отметил Б. Рассел, выражает «господствовавшие мнения образованных и много повидавших людей его (Аристотеля. – А. С.) времени» [1993. С. 193]. Иначе говоря, этика Аристотеля по своей сути была этикой аристократической и манифестировала лишь те идеалы, которые были приняты в обществе того времени. Наконец, что касается ценности этики, то здесь следует вспомнить принцип иерархии аристотелевских наук. Действия, искусства и науки, постулирует Аристотель, имеют различные цели. «Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению – подобно тому как искусство делать уздечки и все прочее, что относится к конской сбруе, подчинено искусству править лошадьми, а само оно, как и всякое действие в военном деле, подчинено искусству всеначалия, и таким же образом остальные искусства подчинены [каким-то] другим, – постольку во всех случаях цели управляющих (ἀρχιτεκτονικῶν) [искусств и наук] заслуживают предпочтения перед целями подчиненных» (EN 1094a9–16) [Аристотель, 1983. С. 54]. Другими словами, политика и этика как ее часть являются самыми высшими и предпочтительными, а их цель – высшее благо для людей. Этот же тезис повторяется на первых страницах «Метафизики»: «...наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее (τὸ ἄριστον)» [Аристотель, 1976. С. 68]. Похоже, что и здесь Аристотель, сначала возвысив этику и политику, затем указывает нам, что есть более высокий уровень – уровень природы, где аналогом блага выступает наилучшее и где цели и стремления человека затушевываются и отступают на задний план перед космическими целями, целями природы. В самом деле, по мнению Аристотеля, ни наука о государстве, ни рассудительность не являются самыми важными (σπουδαιότατην), поскольку их предмет – человек – «не есть высшее (μὴ τὸ ἄριστον) из всего в мире» (EN 1141a) [Аристотель, 1983. С. 179].

Итак, мы рассмотрели возможные варианты понимания этики Аристотеля как первой философии. В целом можно сделать вывод, что самые базовые установки и аксиомы философии Аристотеля не позволяют согласиться с пониманием этики как первой фило-

софии. В то же время если вспомнить о том, что этика Аристотеля по его же идее делится на две части, – первая касается этических добродетелей, а вторая дианоэтических – то, возможно, поиски метафизической этики следует продолжить во второй части. И поскольку высшая дианоэтическая добродетель – мудрость – есть не только научное знание, но и постижение умом вещей по природе наиболее ценных, а реализуется она в созерцании, которое по своей природе более совершенно, нежели деятельность, состоящая в поступках, постольку именно эта часть этики наиболее ближе к первой философии, хотя и не является в полной мере таковой.

Список литературы

- Аристотель*. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
Декарт. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
Зубец О. П. Не метафизические основания этики, но этика как первая философия // *Этическая мысль*. 2018. Т. 18, № 1. С. 78–83.
Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной // *Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.
Рассел Б. История западной философии. М.: МИФ, 1993.
Санжениаков А. А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // *Этическая мысль*. 2018. Т. 18, № 1. С. 66–77.
Baracchi C. Aristotle's Ethics as First Philosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
The Cambridge companion to Levinas / Eds. S. Critchley, R. Bernasconi. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
Crowell S. Why is Ethics First Philosophy? Levinas in Phenomenological Context // *European Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 23, No. 3. P. 349–813.
Lévinas E. L'Éthique comme philosophie première. P.: Grasset, 1998.

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sanzhenakov@gmail.com

ARISTOTLE'S ETHICS AS FIRST PHILOSOPHY

The paper is devoted to the problem of the correlation between Aristotle's ethics and metaphysics. The author raises the following question: could Aristotle's ethics be the first philosophy? First, the article reveals the reasons and grounds according to which the «first philosophy» is the first. Then the concept of ethics as the first philosophy is exposed through the philosophy of E. Levinas. According to this view, ethics is a lens through which all other philosophical questions must be considered, and therefore it is the first. The author identifies three criteria that Aristotle's ethics must meet in order to be the first philosophy. Ethics (1) has to deal with the first principles and causes, (2) to give the universal knowledge and (3) to be valued above other disciplines. It is shown that ethics does not fully meet any of these criteria. At the same time, the author concludes that ethics can claim to be the title of the first philosophy, if by ethics we mean only the part that concerns the dianoetic virtues.

Keywords: ethics, first philosophy, metaphysics, Aristotle, Levinas.

References

Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [Works: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 1. (In Russ.).

Aristotle. *Sochineniya*: V 4 t. [Works: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4. (In Russ.).

Baracchi C. *Aristotle's Ethics as First Philosophy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008.

The Cambridge companion to Levinas. S. Critchley, R. Bernasconi (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002.

Crowell S. Why is Ethics First Philosophy? Levinas in Phenomenological Context. *European Journal of Philosophy*, 2015, vol. 23, no. 3, p. 349–813.

Descartes. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh* [Discourse on the Method of Rightly Conduct-

ing One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences]. *Sochineniya*: V 2 t. [Works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, p. 250–296. (In Russ.)

Lévinas E. *L'Éthique comme philosophie première*. Paris, Grasset, 1998.

Lévinas E. Totalnost i Beskonechnoe [Totality and Infinity] / Trans. by I. S. Vdovina. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected Works. *Totality and Infinity*]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, p. 66–291. (In Russ.).

Russel B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [The History of Western Philosophy]. Moscow, MIF Publ., 1993. (In Russ.).

Sanzhenakov A. A. Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki [Aristotle's Metaphysics as Basis of His Ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2018, vol. 18, no. 1, p. 66–77. (In Russ.).

Zubets O. P. Ne metafizicheskie osnovaniya etiki, no etika kak pervaya filosofiya [On Ethics as the First Philosophy but Not on the Metaphysical Foundations of Ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2018, vol. 18, no. 1, p. 78–83. (In Russ.).